

Фонд поддержки развития биосферного хозяйства и аграрного сектора
«Сибирский земельный конгресс»

Научно-практический журнал

**Вестник
Института развития ноосферы**

2018 № 2

(30 декабря 2018)

Вестник Института развития ноосферы – электронный научно-практический журнал неформального научного содружества, работающего в сфере теории и практики ноосферогенеза: моделирование, формирование и развитие системы планетарного социума на основе разумных и гуманных принципов с учетом повседневной окружающей реальности и геополитической ситуации.

Учредитель: Фонд поддержки развития биосферного хозяйства и аграрного сектора «Сибирский земельный конгресс»

Редакционная коллегия

Винобер А.В. – главный редактор, руководитель Фонда поддержки развития биосферного хозяйства и аграрного сектора «Сибирский земельный конгресс»

Сафонов В.Г. – д.б.н., чл.-корр. РАН, главный научный сотрудник, ВНИИ охотничьего хозяйства и звероводства им. проф. Б.М. Житкова

Степанов С.А. – д.пед.наук, профессор Академии МНЭПУ

Сухорукова С.М. – д.э.н., профессор кафедры экологической и промышленной безопасности Московский технологический университет (Институт тонких химических технологий)

Моложников В.Н. – д.б.н., председатель Байкальского отдела Русского географического общества

Бриних В.А. директор Института региональных биологических исследований (Майкоп)

Винобер Е.В. – технический редактор, координатор проекта «Просвещение, образование, издательская деятельность» Фонда поддержки развития биосферного хозяйства и аграрного сектора «Сибирский земельный конгресс»

Мнение редколлегии может не совпадать с мнением авторов статей.

Статьи публикуются в авторской редакции. За достоверность информации ответственность несут авторы статей

Адрес редакции: г. Иркутск, ул. Декабрьских Событий, 55

тел. 8914-912-47-11

e-mail: congress@biosphere-sib.ru

www.biosphere-sib.ru

Периодичность выпуска журнала 12 раз в год

Запрос на присвоение ISSN: в ожидании

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редактора	5
<i>А.В. Винобер.</i> Человеческое Нечто.....	6
<i>А.В. Винобер.</i> Генезис социального.....	15
<i>А.В. Винобер.</i> Психоистория Гражданской войны в России (1917-1922 гг.). Очерк второй.....	20
<i>А.В. Винобер.</i> Железный аэроплан цивилизации: социально-философский трактат	27
<i>А.В. Винобер.</i> Мифология текста. Рефлексивная герменевтика осознания (этюды №2).....	47

CONTENTS

From the editor	5
<i>A.V. Vinober.</i> Human Something.....	6
<i>A.V. Vinober.</i> Genesis of social.....	15
<i>A.V. Vinober.</i> Psychohistory Civil war in Russia (1917-1922 yy.). The second essay	20
<i>A.V. Vinober.</i> Iron airplane of civilization: social-philosophical tractate.....	27
<i>A.V. Vinober.</i> Mythology of text. Reflexive hermeneutics of awareness (etude №2)	47

ОТ РЕДАКТОРА

Как-то всё удивительно происходит: недавно еще поджидали окончание века двадцатого, а ныне – уже двадцать первый век набрал скорость. А завтра – встречаем Новый 2019 год. Смена цифр становится рутинной процедурой, потому как в мире нашем мало чего меняется, за исключением того, что с каждым днем мир становится все более наполнен вещами и предметами искусственного происхождения. Всё больше автомобилей, небоскребов и автоматов – и всё меньше живой естественной природы. Да и люди с каждым годом становятся всё более запрограммированными: улыбаются и смеются только по внешнему или внутреннему сигналу, пряча за маской безразличия на лице свои истинные помыслы и устремления.

Или вот говорят: информационное общество, информационные технологии, информационная цивилизация, а к нам в журнал никто не может дозвониться или прислать статью.

Надо полагать, что в девятнадцатом веке, во времена Николая I, коммуникации в России были получше – даже в сибирские казематы письма доходили из Санкт-Петербурга и Москвы.

Видимо, затерялись мы на обочине прогресса, и попали в разряд бесперспективных (а то и гляди - куда похуже) – оттого в информационно-коммуникативном мире никто нас не замечает и писем наших электронных не получает. А если и получает, то сразу думает: «Ну чего им, таким бесперспективным, письма и статьи писать? Пусть сами себе и пишут, и теории свои, в нашем современном обществе неуместные, сами себе и читают».

Так мы и делаем. Ведь в двадцатом веке, в самые трудные времена, говорят, что мир уцелел, потому-что смеялся. Вот и мы пишем, улыбаемся себе по-тихоньку, и ждем манны небесной (хотя и не представляем себе, как она выглядит и нужна ли она нам).

С Новым 2019 годом, дорогие наши авторы, читатели и наблюдатели!

А.В.

УДК 111

А.В. Винобер

Фонд поддержки развития биосферного хозяйства и аграрного сектора
«Сибирский земельный конгресс», Иркутск, Россия

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ НЕЧТО

Размышление автора над проблемой человеческого Нечто, поставленной философской антропологией 20 века и ставшей одной из наиболее актуальных проблем в 21 веке.

Ключевые слова: человек, бытие, существование, сущность, Нечто, Ничто.

Вместо смерти – уйти в машину.

академик В.М. Глушков

Почему существует нечто, а не ничто, ведь ничто более просто и более легко, чем нечто?

Г. Лейбниц

Человек – это вид хищных обезьян, постепенно заработавший на своем так называемом «духе» манию величия.

Т. Лессинг

Социальная философская антропология пережила в ушедшем XX веке период бурной трансформации и бифуркации. И в этом стремительном зарождении (возрождении) и развитии – немалая роль немецкого философа Макса Шелера. XX век с его революциями и двумя мировыми войнами, никак не мог остаться инертным по отношению к антропологической сущности и смыслу бытия. Впрочем, «человек – мера всех вещей» – звучит уже не менее 2500 лет. Звучит на все лады, но не дает однозначного ответа и не приводит к всеобщему знаменателю.

Почему мы обозначили это имя: человеческое нечто? Прилично ли так вопрошать или восклицать, или утверждать о «Сыне божьем»? Об этом носителе гордого прозвания «Sapiens»?

В прошлом веке, кроме прочего, много говорилось о ничто, и один из главных «говорителей» – выдающийся схоласт современности Мартин Хайдеггер, вознес это Ничто на недостижимую высоту своих философских спекуляций и на главную высоту, определяющую смысл бытия. Нам трудно

проникнуть в утонченные глубины изысканных рассуждений этого «Гераклита наших дней», но, вполне возможно, что в нашем веке он окажется, по большому счету, прав...

Прав, в первую очередь потому, что это смутное философское ничто с каждым годом всё больше обретает черты реального Ничто, для каждого из нас, живущих в начале XXI века, и для всей нашей цивилизации, зовущейся цивилизацией Homo Sapiens(ов).

Пока, все мы, ныне живущие на планете Земля – человеческие Нечто, живые, обладающие сознанием и определенной (весьма разной) культурой, говорящие на разных языках, устремленные к разным целям, интересам, ценностям и потребностям – но все мы, и каждый по отдельности – пока еще не Ничто – не пустота и безмолвие, а умеренный (не всегда) хаос бытия, общественной жизни.

К концу века, не исключено, что будут доминировать тоже человеческие Нечто, но уже не биопсихосоциальные, а вполне искусственные Нечто, то есть – носители искусственного разума на основе оболочки неизвестной нам пока природы. Препрежнее Нечто, такое обильное, перенасыщенное, может постепенно или в одночасье превратиться в Ничто, унеся туда свои вековые и тысячелетние социальные проблемы и эмоции, и оставив после себя (может быть) совокупность культурных артефактов былой человеческой истории. О чем мы сейчас утверждаем – это не более чем гипотеза, но не менее чем вполне вероятный путь (один из вариантов) развития событий человеческой цивилизации в XXI веке.

Потому так важен задуманный нами небольшой экскурс по граням философской антропологии XX века – в одной из многочисленных попыток – прояснить поле понимания философской антропологии в нашем столетии.

Немногим менее ста лет назад Макс Шелер, формируя новый философский взгляд на человека (между двух мировых войн) позитивно утверждал: *«Человек, этот короткий праздник в огромной временной*

длительности универсальной эволюции жизни, имеет, таким образом, некое значение и для цели становления самого божества». [11]

Для нашего времени (2018 г. после Р.Х.) – чересчур оптимистично, но возможно, что еще не совсем утратило смысл. Неясно, что подразумевается под выражением «для цели становления божества», но, вероятно, это было модным в то время говорить на тему предназначения человека, как имеющего особый смысл для существования бога, либо становления самого человека, уподобленного земному божеству – продолжение ницшеанских мотивов в завуалированной форме (не более чем гипотеза).

Послушаем дальше, что подразумевает сам М.Шелер: *«Назначение человека больше, чем быть только «рабом» или послушным слугой Бога, оно больше, чем быть только «сыном» некоего готового в себе и совершенного Бога. В своем человеческом бытии, которое есть бытие решимости, человек достоин более высокого звания со-стяжателя, со-ратника Бога, которому суждено нести знамя божества, знамя «Deitas», осуществляющегося лишь вместе с мировым процессом, впереди всех вещей в штормовой стихии мира». [11]*

Да. Похоже на то, что человек здесь подобен богу. Существенно приподнят над «земными страстями», сотрудничает с всевышним и даже состязается, но все таки «несет знамя божества» и вместе участвует в сотворении мирового процесса. Но данный озвученный образ, по-видимому, только одна из гипотез, из предполагаемых вероятностей глобального смысла человеческого бытия. Философа терзают сомнения – а может быть это слишком возвышенная и недоступная версия – быть рядом и быть равным вышнему демиургу (творение грозит перерасти творца).

М.Шелер приобретает более критический взгляд на человеческое Нечто: *«Человек, как существо витальное, без сомнения, является тупиком природы, её концом и её наивысшей концентрацией одновременно; однако как возможное «духовное существо» (как возможная самоманифестация божественного духа, как существо, могущее в деятельном со-вершении*

духовных актов мироосновы «деифицировать» самого себя) он есть нечто иное, чем просто тупик: он есть в то же время светлый и великолепный выход из этого тупика, существо, в котором первосущее начинает познавать само себя и себя постигать, понимать и спасать. Итак, человек, есть одновременно и то, и другое: тупик и – выход!» [11].

Не будем торопиться в жажде быстрее обрести «выход». Зададимся еще раз вопросом: почему же тупик? Где же здесь бог, а где природа?

«Но перед лицом этого множества сходных фактов мы вправе поставить вопрос: а не является ли этот *homo naturalis* вообще «тупиком природы»? Природы, которая именно потому, что она в человеке как бы зашла в тупик, заблудилась и не могла идти дальше теми же методами, что продвигали всю эволюцию до человека (об этом я здесь могу сказать лишь очень кратко и неточно), - словно превратилась в дух, духовно управляемую и направляемую “историю”». [11]

Здесь виден «свет в конце тоннеля» - эволюция обратила Нечто в дух и этот дух уже призван и уже осознает «духовно управляемую и неповторимую “историю”» - и как же он (человек) или оно (Нечто) это делает?

«Человек есть существо возвышенное и возвысившееся в самом себе над всей жизнью и её ценностями (да и над всей природой в целом), - существо, в котором психическое освободилось от служения жизни и облагородилось, преобразовавшись в «дух», в тот самый дух, которому теперь и в объективном и в субъективно-психическом смысле служит сама «жизнь». Вечно новое и растущее «становление человека» в этом точном смысле, гуманизация, которая есть одновременно самообожение и со-осуществление идеи божества». [11]

Кольцо замкнулось, вернулись к становлению человека, к его гуманизации, которая есть «одновременно самообожение и самоосуществление идеи божества».

Как мы понимаем, человеческое нечто, это Нечто, стремящееся осуществить себя как божество. Что ж, версия сама по себе совсем не новая –

в античном мире значительное число властителей разных времен и разных масштабов стремились к своему обожествлению. В Древнем Риме или в Древнем Египте это могло быть даже государственной религией и идеологией. Разница лишь в том, что на миссию самообождения претендовали единицы «избранных», а в наше время – это может быть претензией любого современного мыслящего человеческого Нечто. Как более спокойно и умеренно объясняет главный экзистенциалист XX века Мартин Хайдеггер: *«Мерой осуществившегося присутствия отмеривается время человека и вмещаемого им мира»*. [8]

Здесь гуманизация не стремится прямолинейно к самообождению – она вначале решает для себя вечный вопрос: быть или не быть? И даже не совсем понятно – кто и для кого решает вопрос бытия и небытия – сам индивид (личность), само Нечто человеческое или какое-то Провидение, привлеченное философом для решения предопределения. *«Не личность решает, присутствовать ей или нет. Во сне, наяву, рассуждая и не рассуждая, человек брошен в собственную открытость. Не последняя среди его возможностей – упустить себя. Как раз прежде всего и всего чаще человек «делает как люди». Безличные «люди» (das Man) орудуют в нас и через нас вместо нас»*. [8]

И вот, что-то неведомое в этом мире: судьба, Провидение или иная неопознанная пока субстанция дает человеку шанс на прикосновение к экзистенции. Экзистенция – это нечто абстрактное и трудноопределимое, но в принципе, любой человек может «отдаться в её объятия» и начать «экзистировать» – предоставим слово М. Хайдеггеру: *«Предложение «Человек экзистирует» означает: человек есть то сущее, чье бытие отмечено открытым стоянием внутри непотаенности бытия, отличительно благодаря бытию, отличительно в бытии. Экзистенциальное существо человека есть основание того, что человек умеет представить сущее как таковое и иметь сознание о представленном»*. [8]

В общем, экзистенциальный человек М. Хайдеггера, как вы понимаете, это совсем не рядовой, не простой человек, но, безусловно, сознательный и мыслящий, он «умеет представить сущее и быть этим сущим, вмещать целый мир», и главное – противостоять этому коварному и вездесущему Ничто. Ничто, так мы полагаем, это непостижимое, необъятное, непроницаемое и во всем противостоящее этому жалкому (но не безнадежному) Нечто.

О неуловимости и недоступности Ничто М. Хайдеггер говорит достаточно просто и ясно: *«Ничто – чем еще оно может быть для науки, кроме бреда и вздора? Если наука здесь в своем праве, то ясно одно: о Ничто наука знать ничего не хочет»*. [8]

Бытие, в отличие от Ничто, у Хайдеггера несколько более осязаемо, чем Ничто, но все же трудно определить устойчивые координаты «внутри непотаенности бытия» и потому, упрощая (только в данном случае) ситуацию, мы обращаемся к оппоненту М. Хайдеггера, к не менее экзистенциальному М. Буберу, говорящему, что бытие – это всего лишь диалог между богом и человеком, между человеком и миром, но диалог этот осуществляется между «Я» и «Ты» - в работе взаимного осознания и взаимного признания (может быть несколько вольная авторская интерпретация). [3] Но такое пояснение действительно делает ситуацию более доступной пониманию. М. Хайдеггер не слишком уповал на сиюминутное понимание, он любил говорить, что понимать его будут, вероятно, только через двести или триста лет (отечественный философ В. Бибихин полагал, что толковать М. Хайдеггера будут целое тысячелетие – куда им спешить, экзистенциальным философам?!).

Философов-прагматиков, а особенно, ученых-прагматиков, и всякого рода общественных и государственных деятелей, такая философская неторопливость не устраивает. Им, помимо экзистенции, всегда необходим какой-то смысл, дающий ясное (может быть упрощенное, редуцированное, рациональное) понимание прошлого, настоящего и будущего всей совокупности человеческого Нечто.

Смысл это вам все же не экзистенция. Смысл есть у каждого землянина (или может быть обретен им в обозримые для жизни сроки).

Во всем многообразии и обилии смыслов тоже не всегда легко сделать выбор, и причалить именно к тому берегу, где будет ждать нас именно тот смысл, который принесет осуществление.

Один из самых малоизвестных российских философов XX века Иосиф Левин говорил по этому поводу (о смысле бытия человеческого Нечто), что с метафизической точки зрения, человек – это индивидуальная духовная миссия, индивидуальная неповторимость – но социальные условия сводят до минимума творческий потенциал подавляющего большинства людей. [4]

Несопоставимо более известный европейский философ XX века В. Адорно по этому поводу выражался еще жестче: История Запада – патологический процесс углубляющегося безумия, подавления уникальности индивида «общественной тотальностью», и считал, что психобиологическая природа человека неизменна и едина для всех времен и народов [1, 9].

Эрих Фромм, замечательный психоаналитик и философ-прагматик из того же XX века исповедовал сходные взгляды на природу человека: *«Каждый человек заключает в себе все возможности человеческого бытия; внутри каждого из нас живут святой и преступник»*. [7]

Взгляды на общество Э.Фромма также в значительной степени созвучны с В.Адорно.

Э. Фромм говорил о том, что *«общество устремлено производить и потреблять как можно больше – благодаря технике и потреблению человек утратил контакт с самим собой... Наша экономика почти целиком сосредоточилась на производстве оружия и максимального потребления»* [7].

Выход из социального тупика Э.Фромм видел только в личной Вере и в наличии убеждений: *«Верить – значит быть убежденным в том, что существует огромное число реальных возможностей (достоверность неизвестности). Вера плюс надежда – душевная сила. Душевная сила – это способность сказать «нет» тогда, когда весь мир хочет услышать “да”»*. [7]

Современные психологи и философы-прагматики также утверждают принципы и идеи Веры и убеждений для успешной реализации творческого и социального потенциала личности, для обретения индивидуального смысла и качества жизни [10].

Но могут ли смысл и сущность существования человека устоять перед лицом смерти? Ведь земная человеческая жизнь столь кратковременна, и смерть разрушает любые смыслы. *«Смысл и сущность существования оказываются разрушенными единым ударом... Конец жизни полностью отрицает цель жизни»* [12].

В. Аргизи предполагает по-иному воспринимать ситуацию смертности: *«Не время ли признать, что человечество больно смертью, и – есть смысл его лечить»* [2].

Тема обретения нового смысла в результате «машинного» преодоления смерти необычайно популярна среди поклонников техногенного развития цивилизации. В. Мудрых рассматривает в своем труде [5] возможности развития параллельной искусственной эволюции личностного интеллекта, фундаментального изменения природного человека, его экзистенциального бытия, как устаревшего вида в цепи биологической мутационной эволюции.

Ранее [6] Уорвик пропел целый гимн грядущему искусственному разуму: *«Мы – всего лишь очередной этап в процессе эволюции. Биологические создания с относительно узким диапазоном возможностей и с крайне уязвимыми познаниями»*, завершающийся категоричным безапелляционным приговором всему человеческому Нечто: *«человеческая раса, похоже, играет свою последнюю партию. Период нашего господства на Земле подходит к концу – мы не сможем остановить наступление машин»*. [6]

А причина такой ситуации, на взгляд Уорвика, заключается в том, что человеческая цивилизация так и не смогла обрести смысла своего существования: *«Главная проблема в том, что люди на самом деле не знают, что такое разум. Не знают они, и что такое сознание. Не знают, какова их цель на Земле, почему они здесь»*. [6]

Похоже (весьма вероятно), что философы-схоласты и прагматики-технофилы весьма близки по своему диагнозу в отношении перспектив человеческой цивилизации, состоящей из биоспихосоциальных индивидов, громко именуемых «человеками разумными». И те и другие никак не могут разглядеть сущность и космический смысл бытия человеческого Нечто, создавшего социальные институты и социальные технологии, настойчиво толкающие земную цивилизацию к границе, где в ожидании затаилось хайдеггеровское Ничто.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адорно Т. В. Проблемы философии морали : Пер. с нем; [пер. с нем. М. Л. Хорькова]. — М. : Республика, 2000. — 238 с — (Библиотека этической мысли).
2. Аргази Я. Смерть и время. М.: Яхонт, 2000.- 320 с.
3. Бубер М. Я и ты. Пер. с нем. – М.: Высш.шк., 1993. – 175 с.
4. Левин И. Сочинения. Т. 1. М., 1994. 402 с.
5. Мудрых (Moudrykh), Владислав. Теория эволюции разума как конверсии интеллекта органического носителя в неорганическую мыслящую материю. М.: Аграф, 1999. - 592 с.
6. Уорвик К. Наступление машин. Пер. с англ. – М.: Наука, 1999. – 240 с.
7. Фромм Э. Революция надежды. – СПб.: Ювента, 1999. – 245 с.
8. Хайдеггер М. Что такое метафизика? / пер. с нем. – М.: Академические Проект, 2007. – 303 с.
9. Хоркхаймер М., Адорно Т. В. Диалектика Просвещения : Философские фрагменты. — М.: Медиум, 1997. — 310 с.
10. Чиксентмихайи М. Поток: Психология оптимального переживания. Пер. с англ. 7-е изд. – М.: Смысл; Альпина нон-фикшн, 2017. – 466 с.
11. Шеллер М. Избранные произведения: Пер. с нем. – М.: Издательство «Гнозис», 1994. – 490 с.
12. Янклевич В. Смерть. – М.: Издательство Литературного Института им. А. М. Горького. 1999. – 448 с.

A.V. Vinober

«Siberia Land Congress» Biosphere and Agriculture Economies Support and Development Fund, Irkutsk, Russia

HUMAN SOMETHING

The author's reflection on the problem of human Something, set by the philosophical anthropology of the 20th century and which became one of the most pressing problems in the 21st century.

Key words: man, being, existence, essence, Something, Nothing.

Поступила в редакцию 20 декабря 2018

УДК 304.5

А.В. Винобер

Фонд поддержки развития биосферного хозяйства и аграрного сектора
«Сибирский земельный конгресс», Иркутск, Россия

ГЕНЕЗИС СОЦИАЛЬНОГО

В последние десятилетия в тесной связи с бурным развитием информационных технологий и построением фрагментов информационных обществ, конструирование всего многообразия социального приняло невиданные и непредставимые ранее размеры. С одной стороны – мы чересчур превозносим социальное, ставя его много выше биологического, естественноприродного, а с другой – мы его нещадно вульгаризируем и упрощаем. Вероятно, моральное и нравственное, при всей его сложности и неоднозначности, есть самое ценное в социальном, в собственно человеческом, что именуется подлинно гуманным началом социального порядка. Учитывая, что в XXI веке мы уже невероятно близко подошли к начальному этапу киборгизации человечества, было бы очень важно для сохранения квинтэссенции человеческой культуры и морально-нравственных императивов подлинно социального, человеческого – по-настоящему проникнуть и расшифровать действительные механизмы и условия генезиса социального.

Ключевые слова: генезис, человек, социальный порядок, информационное общество.

Социальное... Социум... Социализация... Социальный порядок...
Социальное государство...

Мы много пишем и говорим о социальном. Все вышеперечисленные понятия происходят из общего корня и создают единую ткань социального поля, в котором проходит вся наша жизнь и вся история нашей цивилизации, да и вся эволюция человечества.

Генезис – это истоки, происхождение, эволюция и сущность именуемого. Генезис большого и малого. Генезис общества и отдельного человека.

Как и в недрах истории, так и в наше время, социальная реальность сознательно или спонтанно конструируется. Человек творит не только свою историю, но и сущность социального.

«Создание человеком самого себя всегда и неизбежно – предприятие социальное... Социальный порядок – это человеческий продукт или, точнее, непрерывное человеческое производство» [1].

В последние десятилетия в тесной связи с бурным развитием информационных технологий и построением фрагментов информационных

обществ, конструирование всего многообразия социального приняло невиданные и непредставимые ранее размеры.

Как утверждают пионеры создаваемого электронно-цифрового общества: «Старые законы, структуры, нормы и подходы оказываются совершенно неподходящими для жизни в новом обществе... Только организации и сообщества, уяснившие для себя суть перемен, могут надеяться преуспеть в этом бешеном, новом, изменчивом деловом и геополитическом окружении... остальных ожидает просто агония вымирания» [6].

Прежние споры об уместности социобиологических сравнений – о том, что социобиология претендует с помощью теории эволюции социального поведения на реконструкцию теории всеобщей действительности [5] – это уже романтика XX века. Современное информатизированное общество претендует на создание единого нейросоциума – такой структуры социального, что будет пронизывать всё общество и создавать систему тотального контроля: своеобразный мегасоциальный мозг, читающий любые мысли любого отдельного индивидуума.

В этом управляемом генезисе социального есть свои подводные камни. И, вероятно, один из главных таких камней (по замечанию Кастаньеса) – технологическая переразвитость при социальной недоразвитости [4].

С одной стороны – мы чересчур превозносим социальное, ставя его много выше биологического, естественноприродного, а с другой – мы его нещадно вульгаризируем и упрощаем (простой пример: замена живого ребенка искусственной имитацией типа «Тамагочи»). Многие наши искусственные социальные изобретения – это жалкая пародия биосоциального, эволюционно созданного самой природой в течение миллионов лет многочисленных экспериментов.

Социальная недоразвитость создателей информационного общества при одновременной их технологической переразвитости сыграет в генезисе современного социального (конструируемого индивидуума и всего

управляемого общества) еще не одну злую шутку. «Моральный прогресс человечества превращается в один из основных вопросов Истории и её главное требование... речь идет о том, чтобы наконец-то задействовать самый мощный из доступных человечеству ресурсов благосостояния. Этим ресурсом является организация отношений между всеми людьми на Земле и между всеми организациями и объединениями людей, в т.ч. государственными, на принципах взаимного уважения, взаимной пользы, общности долговременных интересов всех людей Земли» [2].

Если природа, созидавая человеческое общество, потратила столько времени на освоение моральных ценностей и регуляторов нашего поведения – это может означать, скорее всего, главный императив генезиса социального, а не побочное приобретение, как часто кажется подавляющему большинству технократов и нетократов. Вероятно, моральное и нравственное, при всей его сложности и неоднозначности, есть самое ценное в социальном, в собственно человеческом, что именуется подлинно гуманным началом социального порядка.

«Нынешняя постдемократия – это такое устройство, где всю работу по зомбированию массового человека и обеспечению устойчивости властей берет на себя невидимая элита. А власть со своей стороны лоббирует интересы новой элиты и заставляет экономически зависимые страны открывать границы для глобального рынка» [2].

Когда начинаешь всерьез задумываться над «краеугольными понятиями» современного супердинамичного общества, такими как «глобальный рынок», «невидимая элита», «мгновенные войны», «лишние люди», «бесперспективные страны», то становится невероятно правдивой теория эволюции диктата В.М. Кайтукова [3], появившаяся в первые годы после крушения Советского Союза, в которой делается попытка объяснить генезис социального с точки зрения психофизиологической истории и социального психоанализа.

Исходя из постулатов этой теории, психология диктатных слоев современного общества давно остановилась в своей эволюции, обретя в прошлые тысячелетия «устойчивую форму», защищенную от всевозможных морально-нравственных механизмов, которые не проникают в доминантные психотипы. И для такого рода доминирующих (находящихся на вершине социальной иерархии) психотипов, гуманные императивы типа «человек – мера всех вещей» – не более чем пустой звук.

И по большому счету, современная наука (гуманитарная и естественная) не может серьезным и достоверным способом диагностировать и прогнозировать генезис социального, прежде всего потому, что вся человеческая цивилизация и весь планетарный мегасоциум пронизан девиантными явлениями, процессами и механизмами, успешно насаждаемыми (с древних времен) невидимыми элитами и доминирующими иерархами при молчаливой поддержке структур социального порядка и социального воспроизводства.

Учитывая, что в XXI веке мы уже невероятно близко подошли к начальному этапу киборгизации человечества, было бы очень важно для сохранения квинтэссенции человеческой культуры и морально-нравственных императивов подлинно социального, человеческого – по-настоящему проникнуть и расшифровать действительные механизмы и условия генезиса социального.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. — М.: «Медиум», 1995. — 323 с.
2. Глобалистика: Энциклопедия / Гл. Ред. И.И. Мазур, А.Н. Чумаков; «Диалог» – М.: ОАО Изд-во «Радуга», 2003. – 1328 с.
3. Кайтуков В.М. Эволюция диктата: опыты психофизиологии истории.- М.: Наука, Норд, 1991, 413 с.
4. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: Пер. с англ. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
5. Козловски П. Этика капитализма. Эволюция и общество. – М.: Экономическая школа, 1996. – 147 с.

6. Тапскотт Д. Электронно-цифровое общество : Плюсы и минусы эпохи сетевого интеллекта / Дон Тапскотт; Пер. с англ. И. Дубинского под ред. С. Писарева. - Киев : ITN Пресс ; М. : Рефл-бук, 1999. - 403 с.

A.V. Vinober

«Siberia Land Congress» Biosphere and Agriculture Economies Support and Development Fund, Irkutsk, Russia

GENESIS OF SOCIAL

In recent decades, in close connection with the rapid development of information technologies and the construction of fragments of information societies, the design of the entire social diversity has assumed unprecedented and unprecedented dimensions. On the one hand, we too extol the social, putting it much higher than the biological, natural, and on the other, we mercilessly vulgarize and simplify it. Probably, moral and moral, with all its complexity and ambiguity, is the most valuable in the social, in the human, that is called the truly humane principle of the social order. Considering that in the 21st century we have incredibly closely approached the initial stage of human cyborgization, it would be very important to preserve the quintessence of human culture and moral imperatives of the truly social, human — to truly penetrate and decipher the actual mechanisms and conditions of the social genesis.

Keywords: genesis, human, social order, information society.

Поступила в редакцию 20 декабря 2018

УДК 94

А.В. Винобер

Фонд поддержки развития биосферного хозяйства и аграрного сектора
«Сибирский земельный конгресс», Иркутск, Россия

ПСИХОИСТОРИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ (1917-1922 ГГ.). ОЧЕРК ВТОРОЙ

Для понимания истории нам одинаково необходимы серьезные научные исторические исследования и художественные произведения, глубоко проникающие в ментальную ткань времени, и дающие живое прочтение ушедшей эпохи, дающие понимание того, чем жили, как мыслили и как выражали себя люди того трагического и героического времени. В настоящем очерке мы коснемся (в первом приближении) трех произведений о гражданской войне в Восточной Сибири: П. Нилин «Жестокость», С. Китайский «Поле сражения» и А. Тириков «Черные тени». Этим авторов объединяет самый глубокий интерес к психологии эпохи, к психологии своих героев, к реалистическому изложению исторических фактов, при определенной доле художественной переработки самих фактов и образов исторических лиц

Ключевые слова: Гражданская война в России, революция, психоистория, художественные произведения о гражданской войне в Восточной Сибири.

В первом очерке по психоистории гражданской войны в России [1] мы говорили о том, что психоаналитическое изучение художественных произведений, написанных участниками событий или по свежим следам после событий, с привлечением свидетельств очевидцев и фактографического материала, позволяет осуществлять качественное реконструктивное моделирование событий и поведение их участников с большой степенью достоверности. Дает возможность прочтения психологических причин и мотивации поступков активных участников.

По прошествии значительного числа лет (70 или 80 лет и более) это осуществить значительно сложнее – выпадает целый пласт – воспоминания очевидцев того исторического времени, которые мы пытаемся исследовать с помощью моделей исторической и психоаналитической реконструкции.

Гражданская война 1917-1922 гг. на территории Восточной Сибири оставила немало следов в народной памяти. Практически – прошло уже сто лет, и многие события, участники, герои и очевидцы – канули в Лету, почти не оставив документальных описаний. Поэтому, помимо архивных

материалов и многочисленных исследовательских работ разных поколений и разных историко-политических ориентаций, большое значение для проникновения в менталитет эпохи имеют художественные произведения о гражданской войне.

В этом отношении, если можно так сказать, Иркутской области сильно повезло. Целый ряд авторов уделил внимание теме гражданской войны – по числу повестей и романов, освещающих это время, Иркутская область выделяется в целом на фоне России. Прежде всего, потому, что подавляющее число повестей и романов основано на реальных событиях, имевших место на территории области.

Первый советский роман «Два мира» Владимира Зазубрина, описывающий гражданскую войну в Сибири, был издан в Иркутске в 1921 году, в типографии политотдела 5-й Красной армии.

Далее, появились произведения И. Новокшенова, П. Петрова, И. Гольдберга, К.Седых, Ф. Таурина, Г. Маркова, А. Шастина, А. Гурулева...

В настоящем очерке мы коснемся (в первом приближении) трех произведений о гражданской войне в Восточной Сибири, трех разных авторов, один из которых, можно сказать, был очевидцем войны, а двое других – создавали свои произведения в 60-70-е годы. Но всех трех авторов объединяет самый глубокий интерес к психологии эпохи, к психологии своих героев, к реалистическому изложению исторических фактов, при определенной доле художественной переработки самих фактов и образов исторических лиц – как было принято говорить в эпоху социалистического реализма – в образы типических литературных героев.

Первое произведение – повесть Павла Нилина «Жестокость» [3] была написана в 1956 году. Удивительное время хрущевской «оттепели», когда невозможное вдруг стало возможным, и народу советскому было позволено немного подышать свежим воздухом, и выразить такие мнения, которые «до» и «после» были немыслимы для жесткого советского строя.

Как писал Федор Абрамов: «Вся послевоенная городская психологическая литература с обостренным подходом к нравственным вопросам, с оценкой тех или иных периодов истории, на мой взгляд, пошла от Нилина, и прежде всего от такой великолепной книги как “Жестокость”».

Павел Нилин (1908-1981) в 20-е годы прошлого века, сразу по окончании гражданской войны (когда закончилась гражданская войны – этот факт установлен идеологическим путем и не соответствует историческим реалиям) служил в уголовном розыске в Тулуне и бывал в Балаганском районе, где действовала банда Д.Н. Донского. Но основной сюжет повести исходит из реальных событий 1929 года (Нилин работал со служебными материалами Иркутского губчека), связанных с разгромом и уничтожением банды Г.А. Кочкина, когда один из молодых чекистов (прототип героя Нилина Вениамина) застрелился после успешного проведения операции, потому что были арестованы (а кто-то и расстрелян) те люди, которые помогли проведению операции и которым он давал гарантии от имени Советской власти. В финале повести, перед самоубийством, главный герой Венька говорит: «Выходит, я обманул их! Обманул от имени Советской власти. Какими собачьими глазами я буду теперь на них смотреть...».

Пожалуй, впервые, в советской литературе так откровенно была отражена лицемерная и жестокая сущность методов действия представителей советской законной власти.

Второе произведение – роман «Поле сражения» Станислава Китайского [2], появился в 1973 году. На наш взгляд, это одно из самых ярких и глубоких произведений о гражданской войне. Своеобразный психолого-исторический шедевр, явно недооцененный отечественной литературной критикой (может быть, за исключением последней статьи известного иркутского литературного критика Н. Тендитник).

Н.Тендитник в статье «Поле сражения Станислава Китайского» писала: «Роман «Поле сражения» - мозаика человеческих типов, схваченных в динамике поступков, в неумолимой атмосфере смены верований, властей, в

обстановке, когда почва уходит из-под ног... Китайский пытается понять через человека логику непредсказуемых поворотов гражданской войны. История в романе Китайского изображена в её немислимых сложностях и противоречиях... Историю подмяли и направили в своё русло деятели ревкомов, типа Горлова» [5].

В романе, один из сквозных, проходящих всё время действий, сюжетов: конфликт большевика Горлова с интеллигентным большевиком Машариным, выходцем из представителей господствующего класса. Такие люди как Машарин (Александр), интеллигентные и совестливые, стремящиеся оценивать все поступки через призму справедливости и человечности – были как «бельмо в глазу» - для радикальных (беспредельных) большевиков, если бы Александр Машарин не погиб в 1921 году, командуя отрядом ЧОНа, от рук бандитов, то «Горловцы» неизбежно отправили бы его в 30-е годы в разряд «врагов народа»...

Третье произведение – роман «Черные тени» Анатолия Тирикова [6] вышел из печати в 1980 году (есть сведения, что работать над ним А. Тириков начал в 1961 году и к 1965 году в основном завершил, но долго не мог опубликовать). И здесь прототипы главных героев: борцы с Советской властью Д.П. Донской и Г.А. Кочкин (ярко выраженные отрицательные герои). На наш взгляд, весьма вероятно, что Станислав Китайский знал о неизданном романе Анатолия Тирикова, и потому практически не использовал образы Донского и Кочкина в своем романе.

Роман «Черные тени» по своему духу более соцреалистичен, чем произведения (вышеназванные) П. Нилина и С. Китайского. Положительные и отрицательные герои у него «правильные», такие как было принято в соц. реализме («наш» и «не-наш»). Но психоисторическая линия четко прослеживается сквозь весь роман, хотя и с примесью общепринятых для того времени идеологических штампов – так было принято мыслить и так было принято описывать мысли героев литературного произведения.

Станислав Китайский и Анатолий Тириков в процессе написания своих произведений активно использовали рассказы очевидцев того времени, тех событий, и, потому, в первую очередь, им удалось ощутить и передать реальный дух того неоднозначного и местами злого до беспредельности времени.

Для сравнения хотелось бы привести книгу современного историка гражданской войны П.А. Новикова «Гражданская война в Восточной Сибири», изданную в 2005 году [4]. Как говорится в аннотации: «Книга посвящена малоисследованным, исключительно драматичным страницам истории Гражданской войны и партизанской войны в Восточной Сибири и Забайкальской области. Автор предпринимает совместное равнообъемное изучение белых и красных источников, и впервые события гражданской войны и крестьянского повстанческого движения рассматривает как взаимосвязанные явления».

Безусловно, роман и научная монография по истории – трудносопоставимые вещи. На материалах, изложенных в монографии можно написать десятки, если не сотни романов (и 99% из них, вероятно, никогда не будут написаны).

П.А. Новиков охватывает весь огромный пласт событий Гражданской войны в нашем регионе, довольно объемно и подробно отражая хронологию и невероятно большое число действующих реальных лиц. Можно сказать – это замечательный труд, значительно обогащающий наше представление об этом сложном времени.

Есть в монографии и некоторые сомнительные моменты (на наш субъективный взгляд): автор испытывает какие-то особенные симпатии к атаману Семенову, и всеми силами (не разглашая этого замысла) пытается создать образ более положительного героя. Адмирал Колчак на фоне атамана Семенова выглядит блекло и безжизненно (да и так о нем много чего написали, и фильм сняли и памятник поставили...). Есть отдельные неточности в деталях: например, С. 280 «Подпоручик Г.А. Кочкин был убит

4 июля 1929 года сотрудниками уголовного розыска при попытке захвата обоза с оружием у деревни Жердовка. В течение трех следующих дней был задержаны все 28 участников его отряда». Вероятно, это официальная версия из отчета спец. органов тех лет, но фактически общеизвестно, что Кочкина застрелил Михаил Михалев, один из участников его банды, который поверил чекистам и пытался спасти своего младшего брата, находящегося в заложниках (что в последствии стало главной сюжетной линией повести П. Нилина «Жестокость»). Об этом факте хорошо знал Анатолий Тириков, и, вероятно, использовал его во второй части романа «Черные тени», рукопись которой была утеряна в кабинетах Иркутского ОК КПСС. В частности, во время работы над романом, Анатолий Тириков неоднократно беседовал с Михаилом Михалевым, проживавшим в селе Капсал...

Вывод, в данном случае, прост и банален: для понимания истории нам одинаково необходимы серьезные научные исторические исследования и художественные произведения, глубоко проникающие в ментальную ткань времени, и дающие живое прочтение ушедшей эпохи, дающие понимание того, чем жили, как мыслили и как выражали себя люди того трагического и героического времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Винобер А.В. Психоистория Гражданской войны в России (1917-1922 гг.). Очерк первый / А.В. Винобер // Вестник Института развития ноосферы. 2018. - 1. - С. 37-44
2. Китайский С. Поле сражения : роман / С. Китайский. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1988. – 448 с.
3. Нилин П. Ф. Жестокость: повесть. – М.: Знание, 1979. – 222 с.
4. Новиков П.А. Гражданская война в Восточной Сибири. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. – 415 с.
5. Тендитник Н. Поле сражения Станислава Китайского / Н. Тендитник // Сибирь. 2008. – 1. – С.
6. Тириков А.Г. Черные тени: роман. – Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство. 1980. – 400 с.

A.V. Vinober

«Siberia Land Congress» Biosphere and Agriculture Economies Support and Development Fund, Irkutsk, Russia

PSYCHOHISTORY CIVIL WAR IN RUSSIA (1917-1922 YY.). THE SECOND ESSAY

To understand history, we equally need serious scientific historical research and artistic works that penetrate deep into the mental fabric of time, and give a lively reading of a bygone era, giving an understanding of what they lived, how they thought and expressed how people of that tragic and heroic time expressed themselves. In this essay, we will touch (as a first approximation) three works on the civil war in Eastern Siberia: P. Nilin «Cruelty», S. Kitaicky, «Battlefield», and A. Tirikov «Black Shadows». These authors are united by the deepest interest in the psychology of the epoch, in the psychology of their heroes, in the realistic presentation of historical facts, with a certain amount of artistic reworking of the facts and images of historical persons.

Key words: Civil war in Russia, revolution, psychohistory, novels about the civil war in Eastern Siberia.

Поступила в редакцию 15 декабря 2018

УДК 101.1 : 316

А.В. Винобер

Фонд поддержки развития биосферного хозяйства и аграрного сектора «Сибирский земельный конгресс», Иркутск, Россия

ЖЕЛЕЗНЫЙ АЭРОПЛАН ЦИВИЛИЗАЦИИ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ ТРАКТАТ

Настоящая статья есть публикация вышеназванного социально-философского трактата. Структура трактата состоит из 12 глав. Каждая глава включает три параграфа, в каждом из которых содержится три постулата. Планы трансформации глобальной человеческой системы, называемой «земной цивилизацией» с целью нахождения компромиссного и объединенного развития человечества, существуют, видимо, только в теоретически отвлеченном виде. Чтобы железный аэроплан цивилизации не превратился в последнюю подводную лодку – необходима замена планов мобилизации на планы трансформации. Тогда у нас появляется серьезный шанс на создание долговечного космического корабля над названием «Планета Земля» вместо «железного аэроплана цивилизации», летящего в опасном режиме неисправного автопилота

Ключевые слова: социально-философский трактат, цивилизация, социотехноприродная система, прогресс, эволюция.

Введение

1. «Человек – это звучит гордо»... Именно, что «звучит» – «кимвал бряцающий»...
2. Сравнение человека с микробом – это метафора. Скажем так, космологическое допущение. Человек – брат, друг и враг микроба. Единое живое вещество во всем его земном многообразии. Микроб, возможно, даже предок человека, более давний, чем обезьяна. Но в масштабах вселенной – размеры и притязания человека и его земной человеческой цивилизации – микроскопичны. И когда смотришь на Землю из космоса в хороший (мощный) электронно-космический микроскоп, кажется, что ползает по планете невероятное многообразие микробов. Это и есть человеческая цивилизация.
3. Надежда на «светлое будущее» никак не хотела умирать...

глава 1. Цивилизация как социотехноприродная система

1.1 Предыстория современной цивилизации

1.1.1. Первую цивилизацию создали неандертальцы: охотники-мясоеды.

1.1.2. Вторую цивилизацию создали кроманьонцы. Охотники, истребившие и ассимилировавшие неандертальцев.

1.1.3. Третью цивилизацию создали неолитические жрецы и вожди. Это были протогорода и протогосударства.

1.2 Земная цивилизация в космическом масштабе

1.2.1. В космическом масштабе земная цивилизация напоминает небольшой метеорит, несущий в своих порах скопище воинственных человеков-микробов, разделенных на многочисленные непримиримые популяции.

1.2.2. Весьма вероятно, никто не подозревает о существовании маленького метеорита по имени планета Земля, населенного воинственными человеками-микробами, утверждающими, что они есть носители космического разума.

1.2.3. В космическом масштабе никто не заметит самоуничтожения воинственной колонии земных микробов (по космическим масштабам)-человеков. Микробонесущий метеорит будет лететь дальше, потеряв свое воинственное население, либо разрушится на более мелкие фрагменты.

1.3 Социотехноприродная система

1.3.1. Планета Земля (небольшой метеорит в космическом масштабе) покрыта тонкой пленкой биосферы – живого вещества – в котором проступают отдельные пятна ржаво-ядовитой консистенции – это техносфера, созданная человеческим сообществом (социумом) путем потребления живого и неживого вещества, посредством изощренных человеческих изобретений – технологических процессов, в основном, превращающих живое вещество в безжизненное.

1.3.2. Социотехноприродная система объединяется и управляется социальным началом, стремящимся заменить биосферу техносферой, и создать искусственный разум, навсегда избавившись от своего биологического субстрата.

1.3.3. Отдельные клетки-мутанты пытаются сохранить живое вещество биосферы, утверждая, что возможен гармоничный симбиоз трех сфер: биосферы, социума и техносферы, на условиях дальнейшего развития человеческого земного разума.

глава 2. Дурная бесконечность прогресса – главный ориентир

2.1 Прогресс – форма самовыражения

2.1.1. Прогресс – это, прежде всего, жажда обладания.

2.1.2. Во вторую очередь – прогресс – это постоянная потребность новшеств и свершений.

2.1.3. Прогресс – это выражение самости отдельной личности, партии, какого-либо сообщества во имя отрицания и разрушения традиционного течения жизни.

2.2 Прогресс – ориентир социальной эволюции

2.2.1. Любой прогресс всегда имеет обратную сторону медали. Если вы столкнулись с феноменом прогресса – где-то поблизости должен быть и регресс, а точнее – уничтожение прежних, бытовавших ценностей культуры, традиционного уклада и устоявшихся во времени социальных отношений.

2.2.2. Иногда прогресс приравнивают к социальной эволюции. Но обычно (чаще всего) прогресс больше похож на революцию, которая безжалостно рушит старое во имя нового, которое имеет явные черты утопии.

2.2.3. Прогресс – это главный центр притяжения социальной эволюции. Эволюции путем стремительных преобразований, ориентированной на заманчивый мираж, распространяющийся в виде психологической эпидемии

в сознании активных пассионариев и в сознании отдельных групп общества или государственной власти.

2.3 Границы и безграничность земного прогресса

2.3.1. Прогресс земной человеческой цивилизации устремлен в бесконечность. Он не видит своих границ и не знает императивных смыслов.

2.3.2. Безграничный прогресс похож на *perpetum mobile*, постоянно восходящую спираль общественного закона отрицания, на социальную ленту Мёбиуса бесконечной перестройки.

2.3.3. Временными границами и остановками прогресса служат временные тупики инженерной мысли, периоды истощения социальной энергии главных прогрессистов и алчущих последствий и результатов прогресса в материальном или финансовом эквиваленте. Земной прогресс стремится вверх и вперед до полного истощения своих ресурсов или до полной дискредитации своих замыслов.

глава 3. Призрак вместо пилота

3.1 Кто правит миром?

3.1.1. Миром правит «невидимая элита».

3.1.2. Официально считается, что миром правят правительства самых сильных государств, самые крупные «денежные мешки», транснациональные компании и влиятельные международные организации (типа Организации Объединенных наций).

3.1.3. Состав «невидимой элиты», механизм и форма осуществления функций мирового регулирования, вероятно, известны только нескольким десяткам человек, входящим в элиту и их менеджерам, помогающим осуществлять мировые властные функции.

3.2 Цивилизация как железный аэроплан

3.2.1. Существующая на сегодняшний день (декабрь 2018 г.) мировая планетарная цивилизация в некоторой степени напоминает «железный аэроплан», в кабине которого сидят несколько неизвестных пассажирам пилотов, стюарды и стюардессы (политические деятели разных стран), угощают пассажиров «духовной пищей», состоящей из различных информационных сообщений, большая часть которых явно противоречит истине, и служит для того, чтобы пассажиры меньше думали и больше спали. Известно только место назначения, куда летит «железный аэроплан». Неизвестно насколько опытные пилоты и есть ли между ними четкое взаимопонимание и взаимодействие. Неизвестно техническое состояние «аэроплана» и сколько у него топлива (хватит ли добраться до конечного пункта назначения?). Неизвестно также, какие метеоусловия в конечном пункте и вообще – возможно ли осуществить там нормальную посадку. Все последние пункты неизвестны не только пассажирам, но и стюардессам, да и самим пилотам...

3.2.2. Отдельные пассажиры и отдельные стюардессы могут догадываться о состоянии отдельных параметров ситуации или даже представлять её в общих чертах, близко к действительному положению, но они никак не могут влиять на решения и действия пилотов.

3.2.3. Не исключено, что пилоты железного аэроплана находятся в состоянии алкогольного или наркотического опьянения. Включили автопилот, и, позабыв о пассажирах, предаются своим страстям и галлюцинациям.

3.3 Цивилизация по власти призрака

3.3.1. Также не исключен вариант, что автопилот не работает, пилоты спят беспробудным сном, а в кабине находится призрак, управляющий полетом железного аэроплана.

3.3.2. Призрак знает, куда он летит, и как закончится полет, но об этом не знают абсолютно ничего ни один из землян (пассажиров, стюардесс и пилотов), находящихся на борту «железного аэроплана».

3.3.3. Призрак, кроме прочего, прекрасно управляет потоком сознания, имеющим место у всех пассажиров и членов экипажа, и может успешно внушать им любые мысли и эмоции, а также полностью контролировать их поведение.

глава 4. Какая красота должна спасти мир

4.1 Где, когда и кого спасла красота?

4.1.1. На этот счет у историков и ученых всех иных специальностей, как правило, нет конкретных ответов.

4.1.2. История о спасающей красоте невероятно похожа на миф об удивительном призраке: он красив, он спасает, но никто его не видел.

4.1.3. Самое главное – отсутствует реальное представление – какая красота может быть спасительницей, кого же она может спасти и на основании каких земных или космических законов (?).

4.2 Имеет ли силу красота человеческой души

4.2.1. Красота человеческой души открывается для немногих окружающих в жизни конкретного человека.

4.2.2. Сила красоты человеческой души – это незримый вектор-луч, присутствующий в полевого психоэнергетическом пространстве человеческого бытия. Воздействие психоэнергетическое этого луча-вектора человеческой души избирательно и законы этого воздействия неведомы современной науке, потому как не удостоиваются её внимания.

4.2.3. Сила красоты человеческой души чаще проявляется в экстремальной обстановке, когда уже не остается иных ресурсов для сохранения человечности.

4.3 Красота помыслов и дорога в ад...

4.3.1. Добрые намерения и красивые помыслы нередко приводят к совершенно противоположным результатам. Как говорят в России: «Простота хуже воровства». Простые решения нередко ведут в тупик. Не стоит усложнять себе жизнь простыми решениями.

4.3.2. «Дорога в ад» - это широко известная метафора наших торопливых и ошибочных решений. Как и наших чрезмерных амбиций и желаний на тему: «Как осчастливить человечество»?

4.3.3. Искусство нахождения «золотой середины» между сложностью жизненных ситуаций и жаждой торопливых простых решений формируется с детства и в течение всей жизни человека.

глава 5. Неуловимая аморфность истины

5.1 Истина – критерий или признак?

5.1.1. Истина для науки, для веры и для практической жизни редко бывает одинаковой.

5.1.2. Часто бывает так: то, что принимаем за истину долгое время, в итоге оказывается призраком или самообманом.

5.1.3. Истина может быть критерием наших решений только задним числом – после того, как события уже свершились, у нас появляется шанс – разглядеть истинное лицо истины.

5.2 Сколько истин и как они размножаются?

5.2.1. Истины редко бывают в единственном числе. Они имеют свойство размножаться. Среди обилия расплодившихся истин трудно бывает разглядеть самую верную свою единственную истину.

5.2.2. Размножение истин, в основном, происходит в научных, философских, идеологических и религиозных кругах, а также с помощью средств массовой

информации. В последние годы истины интенсивно стали размножаться с помощью интернет и социальных сетей.

5.2.3. Нередко за ликом истины скрывается обыкновенный симулякр, или, говоря обычным русским языком, «пустышка», «мыльный пузырь». Симулякры имеют искусственное происхождение. Главный смысл производства симулякров – введение в заблуждение, искажение и подмена истины.

5.3 Аморфность и неуловимость истины

5.3.1. Истины часто похожи на неуловимые нейтрино. Они почти всегда ускользают между пальцев, сквозь ладони и сквозь наши дремлющие мозги. Мозг – самый главный аппарат для уловления истин – часто бывает в состоянии полудремы, в котором не способен различить и опознать истину (не говоря о том, чтобы зафиксировать истину в наглядном и годном для употребления образе).

5.3.2. Даже обнаруженные, при помощи изредка просыпающегося мозга истины – редко оказываются в твердом и устойчивом состоянии, им присуще свойство аморфности, пластичности, текучести и элементарного распада. Только работа думающей мысли способна произвести необходимую фиксацию, анализ и утверждение истины для применения в теории или на практике.

5.3.3. Ученые и философы – профессиональные ловцы истин – всегда имеют соблазн – увлечься имитацией и наловить целую прорву псевдоистин и симулякров, которые способствуют славе и получению прижизненных материальных благ.

глава 6. Кто обжигает горшки

6.1 Пантеон земных богов

6.1.1. Земные боги во времени историческом имеют непостоянство. Вначале человеческой истории – это духи природных мест (гор, долин, морей).

6.1.2. Духи безликие и аморфные со временем превращаются в мифических богов и обретают черты человеческие. Следом появляются герои и пророки, которым сами люди (из ближнего окружения) присваивают статус богов, земных и небесных.

6.1.3. Позднее наступает время настоящих земных богов – императоров, диктаторов и властителей. Функцию обожествления производят сами себя избравшие.

6.2 Пантеон земных горшков

6.2.1. Появление первого горшка, сделанного руками человека, несомненно, было чудом. Постепенно, путем подражания и обучения, люди освоили ремесла. Обжигать горшки стало проще и доступнее многим.

6.2.2. Пантеон земных горшков, под руками демиургов, обретал все новые формы. Появились кузнецы и начали ковать оружие, мечи, копья, щиты – ковали впрок и на продажу. Из пантеона горшков незримым чудом выросла торговля. Для нужд торговли изобрели эквивалент, превратившийся в золотую монету.

6.2.3. Современный пантеон горшков включает в себя необозримое число искусственно созданных человеческой цивилизацией вещей - 99% из них совершенно излишне для нормальной человеческой жизни. Их изобретают для хвастовства и мнимого удобства. Нередко вещи изобретают для уничтожения представителей рода человеческого – для чего придумали красивое название – гонка вооружений.

6.3 Кто на самом деле обжигает горшки?

6.3.1. В настоящее время горшки обжигают все кому не лень. В большинстве случаев процессы изготовления всевозможных материальных искусственных вещей поставлены на поток. Существует необозримое число производств, заводов и конвейеров. На поток поставлено и производство отходов. Некоторые конвейеры уже сейчас непосредственно производят отходы – их называют красивым словом «брак» или «неконкурентоспособная продукция».

6.3.2. Люди научились не только обжигать горшки, но и производить людей по заданным параметрам: так появляются воины, финансисты, охранники, футболисты и многие другие. Это называют красивым словом «узкая специализация» или «профессионализм».

6.3.3. В скором времени, вполне вероятно, будет налажен процесс производства искусственных людей-киборгов. Они заменят со временем людей живых, бессистемно плодящихся, часто нищих и беспокойных. Через несколько человеческих поколений человечество избавится от груза лишних людей – несколько сотен или тысяч избранных живых богов будет обслуживать несколько миллионов искусственных киборгов.

глава 7. Лови мгновение - как вечный принцип бытия

7.1 Эфемерность человеческого бытия

7.1.1. Любой нормальный зрелый человек осознает эфемерность своего бытия.

7.1.2. Жаждающие вечной жизни в мире ином – такие люди еще встречаются в наше время – отнесем их категории запредельщиков – жизнь, ожидаемая за пределами земной биологической жизни выходит за пределы понимания взрослого зрелого человека нашего времени.

7.1.3. Коли здесь, в мире нашем, все так зыбко, эфемерно и кратковременно, многие думают – надо успеть поймать удачу «за хвост» и постараться быть

счастливым при первой же возможности. «Лови мгновение» - становится главным принципом нашего бытия. Так жили многие поколения до нас и так живем мы. «Лови мгновение» - вечный принцип для всего живого, имеющего биологическую природу.

7.2 Неутолимая жажда ощущений

7.2.1. Весь мир человеческий (за редкими исключениями) живет неутолимой жаждой ощущений. Примитивные ощущения и безопасность – это главные биологические или животные ощущения. То, что роднит нас с «братьями нашими меньшими».

7.2.2. У человека появляются особые человеческие ощущения. Любому нормальному человеку необходима дружба, любовь, взаимопонимание и признание.

7.2.3. Более «продвинутые» человеческие особи (индивидуумы, личности) претендуют на особенные ощущения: познавательные, нравственные, моральные, эстетические, героические и мистические.

7.3 Что значит – поймать мгновенье?

7.3.1. В чем смысл «лови мгновение» для отдельного человека? Смысл «пойманного мгновенья» в том, чтобы испытать желанную гамму ощущений и сказать себе: «Я живу! Жизнь удалась! Я это сделал!»

7.3.2. Общество, семья и школа специально готовят каждую человеческую особь (индивидуум, личность) к тому, чтобы «преуспевать» и чего-то достигать социального, психологически важного в течение индивидуальной быстротечной жизни. Эти преуспеяния и достижения непосредственно связаны с числом и разнообразием «пойманных мгновений».

7.3.3. У каждого индивидуума (личности) в процессе социализации (социального созревания до взрослости) формируется свой индивидуальный набор предпочтений по отношению ко всему многообразию доступных мгновений-ощущений человеческой жизни. Что невыносимо важно для

одного человека, другому может показаться глупым и смешным. Ценностные ориентации каждого человека сугубо индивидуальны и во многом определяют траекторию его жизненной судьбы. Для кого-то самыми главными являются «пойманные мгновения славы», а кому-то «мгновения славы» представляются глубоким заблуждением.

глава 8. Любящим колбасу и пиво

8.1 Хлеба и зрелищ как древнеримская идиллия

8.1.1. Как известно из истории Древнего Рима, в определенную эпоху развития этого государства (к Древнему Китаю это не имеет отношения) в столице республики – империи сформировалась значительная «прослойка» общества, постоянно требовавшая хлеба и зрелищ.

8.1.2. Такая же «прослойка» существует в любом из государств нашей современности. Они любят футбол, хоккей, кулачные бои и автогонки, а также многие другие разнообразные зрелища. При этом частенько поглощают различные напитки (до, во время, и после зрелища). В прошлом веке, в советском обществе, такая «прослойка» помимо зрелищ предпочитала колбасу и пиво – два главных пролетарских продукта современности.

8.1.3. Главное, в потреблении зрелищ, колбасы и пива – это оптимально подобранные индивидуальные пропорции и определенная норма «ненасыщения» - иначе можно «переборщить» и нарушить баланс постоянной неудовлетворенности.

8.2 Колбаса и пиво – современный вариант

8.2.1. Колбаса и пиво, как современный вариант всеобщей потребности «прослойки» общества – конечно же, во многом, символы. Но символы жизненно важные. Ни в коем случае нельзя лишать «прослойку», являющуюся господствующей частью избирательного (якобы избирающего)

электората, своих главных символов и ориентиров (или главных потребностей и мотивов).

8.2.2. В категории символов «колбаса и пиво» в последние десятилетия прочно вошли телевизор, автомобиль, компьютер и иные знаково-вещественные атрибуты.

8.2.3. Помимо доминирующих символов типа «колбаса и пиво» важнейшим критерием социального удовлетворения является интегральный символ «покупательно-потребительской респектабельности». Этот символ имеет свои количественные градации на каждой ступени социальной иерархии общества потребления.

8.3 За пределами пиво-колбасного мышления

8.3.1. Собственно «пиво-колбасным» мышлением мы называем ярко выраженное утилитарное потребительское мышление, доминирующее в любом современном обществе и в почти любом государстве.

8.3.2. Сущность такого мышления выражается в формуле: «Я должен это иметь, я должен это вкусить, я должен этим насладиться – я должен быть таким как все, но желательно иметь больше, чем имеют другие».

8.3.3. За пределами утилитарно-потребительского мышления (или как мы называем его «пиво-колбасное мышление») существуют другие виды мышления: религиозное, воинственное, революционное, философское, творческо-самовыразительное, властолюбивое, накопительское и иное. Все они в разной степени распространены в обществе, точнее, в разных государствах и обществах. Проявляются в различных пропорциях и сочетаниях, но по числу приверженцев обычно доминирует пиво-колбасное мышление.

глава 9. Перспективы человека и человечества

9.1 Человеческая пирамида потребностей

9.1.1. Гуманитарные науки не однажды предпринимали попытки определить шкалу потребностей человека. Одна из таких попыток – пирамида человеческих потребностей А. Маслоу. Внизу – самый широкий фундамент из собственно биологических потребностей (безопасность, сытость, удовлетворение доминирующих инстинктов), вверху – на самой вершине – потребности духовного и творческого самовыражения.

9.1.2. Главная загадка – почему подавляющее большинство населения имеет усеченную пирамиду потребностей, т.е. в основном, только фундамент – собственно биологические потребности, носящие инстинктивный характер («безопасно, сыто, а теперь можно и зрелище посмотреть»).

9.1.3. Почему идеальной модели пирамиды потребностей, где на вершине – творчество, самоактуализация и духовный рост – достигают немногие? Вероятно, причина в том, что для общества и государства это невыгодно и неприемлемо. Наука не находит убедительного объяснения.

9.2 Рост потребительской корзины человечества

9.2.1. Условная потребительская корзина совокупной человеческой цивилизации в последние 200 лет испытывает ежегодный стабильный рост.

9.2.2. Особенно бурный рост потребительской корзины происходит в последние 100 лет, а в последние 30 лет – рост, можно сказать, имеет фантастические размеры.

9.2.3. Под потребительской корзиной мы имеем ввиду все виды материального и символического потребления как отдельных граждан, так и всех государств нашей планеты.

9.3 Реконструкция человеческих потребностей

9.3.1. В 60-70-е годы прошлого века в мировом сообществе, в первую очередь – в научных и правительственных кругах, начали говорить о необходимости сокращения потребления природных ресурсов и реконструкции человеческих потребностей.

9.3.2. Пятьдесят лет непрерывных разговоров на высоком интеллектуальном и межправительственном уровне пока не принесли существенных результатов, за исключением изобретения термина «устойчивое развитие», объясняющего бесконечную жажду потребления и необходимость роста производства новых товаров, материальных продуктов и услуг.

9.3.3. Реконструкция человеческих потребностей по-прежнему является одной из самых актуальных задач человеческого планетарного сообщества. Она теряет свое значение и смысл только в случае резкого сокращения населения планеты (в 10, 100 раз и более – как предполагают продвинутые экологи-мальтузианцы) и в случае замены живых людей их искусственными прототипами – роботами-киборгами.

глава 10. Сколько осталось топлива у аэроплана

10.1 Ресурсный подход мирового правительства

10.1.1. «Невидимая элита» или «мировое правительство» и сообщество самых богатых и самых властных людей на планете исповедует ресурсный подход – у кого и сколько ресурсов есть в наличии и сколько еще ресурсов есть в потенциале.

10.1.2. Население планеты – оценивается двояко. И как потенциальный ресурс и как балласт, который можно «выбросить за борт» в случае критической ситуации (например, катастрофическая нехватка ресурсов).

10.1.3. Разумеется, самый ценный ресурс на планете – это сама «невидимая элита» - несколько десятков или сотен алчных и властных представителей

рода Ното, волей усилий и обстоятельств оказавшихся распорядителями ресурсов на территории всего мирового сообщества

10.2 Прогноз ресурсных изменений и технологий

10.2.1. Мировая экономика и совокупная технологическая мощь государств и транснациональных компаний находится в постоянном движении и изменении. Возможно, в результате технологической революции основным топливом станет водород – его на земном шаре предостаточное количество – и это может ослабить проблему топливных ресурсов. Но мы с удивлением узнаем, что мировой океан уже купили и он стал частной собственностью ТНК или, например, США – тогда мы снова попадаем в категорию балласта.

10.2.2. Если через 20-30 лет всё же наступит настоящий ресурсный голод – вероятность мировой войны за оставшиеся неиспользуемые ресурсы резко возрастает.

10.2.3. Человечество не может достоверно прогнозировать изменение технологий и ресурсов, потому что оно находится в постоянном противостоянии и борьбе за превосходство над себе подобными.

10.3 «Боливар» не выдержит голодных наездников (кого будут сбрасывать как балласт?)

10.3.1. В случае обострения «ресурсного голода» в критическом положении оказываются отставшие страны и страны, противостоящие мировому гегемону («США со своими союзниками»). Воздействия на сокращение балласта могут быть самыми различными – от «гуманных» бомб, сохраняющих материальные ценности, до этнических вирусов и «цветных» революций.

10.3.2. Вероятно, может быть использован «гуманный принцип изоляции» - для создания условий вымирания целых этносов, народов и государств.

10.3.3. Самое простое решение – установление жесткого ограниченного потребления для «неправильных» народов и государств.

глава 11. Возможная трансформация аэроплана в подводную лодку

11.1 Подземные города-убежища

11.1.1. Весьма вероятно, что исследовательские военные институты моделируют разнообразные варианты последней мировой войны.

11.1.2. В процессе моделирования учитывается наличие уже существующих подземных городов-убежищ, созданных с целью выживания элиты и военно-технической мощи воюющих стран.

11.1.3. Вероятно, подземные города-убежища позволят сохранить избранное число людей (элита и обслуживающий персонал) в случае тотального ядерного конфликта.

11.2 Планы мобилизации и планы трансформации

11.2.1. Пока, в реальной действительности потенциальных военных действий новой мировой войны доминируют планы мобилизации и победы любой ценой.

11.2.2. Планы трансформации глобальной человеческой системы, называемой «земной цивилизацией» с целью нахождения компромиссного и объединенного развития человечества, существуют, видимо, только в теоретически отвлеченном виде.

11.2.3. Чтобы железный аэроплан цивилизации не превратился в последнюю подводную лодку – необходима замена планов мобилизации на планы трансформации.

11.3 История последней подводной лодки

11.3.1. В случае прохождения точки невозврата в мировом вооруженном конфликте, мы можем получить в итоге небольшое число выживших военных объектов-убежищ (или как мы называем их в данном случае – «подводных лодок»), имеющих автономное жизнеобеспечение и

определенное вооружение для продления военных действий до полного уничтожения противника.

11.3.2. В итоге, после обнаружения всех оставшихся объектов-убежищ и их взаимного обмена ядерными (и иными) боевыми ударами, останется, в лучшем случае, «последняя подводная лодка» с ограниченными ресурсами и ограниченным сроком существования.

11.3.3. Вполне вероятен вариант полного взаимного уничтожения «последних подводных лодок».

глава 12. Почему мысль всегда заходит в тупик...

12.1 Бессилие красоты и разума

12.1.1. Ни красота, ни разум на протяжении тысячелетий человеческой цивилизации не могли остановить агрессии, пока она не извергала свою разрушительную энергию, приводя к бесчисленным человеческим и материальным жертвам. Только тогда происходило завершение агрессии и наступало временное перемирие.

12.1.2. Какой-то существенной эволюции красоты или разума в сторону возрастания сил против абсурдной гонки вооружений и потенциальной агрессии многочисленных противников не происходит. Разум и красота по-прежнему бессильны.

12.1.3. Ни разум, ни тем более, красота – никак не могут обнаружить «болеву точку», позволяющую нейтрализовать потенциальную мировую агрессию.

12.2 Неверие и обман – основное правило геополитики

12.2.1. В мировой геополитической практике по-прежнему доминируют две древние (архаичные) установки – неверие и обман. Они не позволяют осуществиться процессу планетарного объединения человечества в единую гуманную цивилизацию.

12.2.2. Только взаимно скоординированное сотрудничество властных и интеллектуальных элит планетарной цивилизации дает шанс на преодоление недуга «неверия и обмана» и выработки условий разумной мировой консолидации.

12.2.3. Инициатива по включению процесса переговоров и дальнейшей консолидации должна исходить как из разных сторон властвующей элиты (в которой, вероятно, зыбкое равновесие), так из разных сторон интеллектуальной мировой элиты.

12.3 Страх и алчность – терминаторы разумной мысли

12.3.1. Возможно, что неверие и обман основаны на фундаментальном страхе перед обманом и агрессией других противоборствующих сил.

12.3.2. Не последнюю роль играет вирус алчности, живущий в подсознании властвующей элиты и провоцирующий неразумные решения.

12.3.3. И страх, и алчность (как недоверие и обман) могут быть излечимы современными разумными и приемлемыми средствами и технологиями. Необходим серьезный планетарный консилиум, способный определить процесс и средства лечения и назначить разумных и добросовестных врачей, работающих под контролем властвующих и интеллектуальных элит. Хорошо бы, если властвующая элита приобрела бы гуманный интеллект, а интеллектуальная элита получила возможность разумного воздействия на властвующую элиту. Тогда у нас появляется серьезный шанс на создание долговечного космического корабля над названием «Планета Земля» вместо «железного аэроплана цивилизации», летящего в опасном режиме неисправного автопилота...

A.V. Vinober

*«Siberia Land Congress» Biosphere and Agriculture Economies Support and
Development Fund, Irkutsk, Russia*

IRON AIRPLANE OF CIVILIZATION: SOCIAL-PHILOSOPHICAL TRACTATE

This article is a publication of the above socio-philosophical treatise. The structure of the treatise consists of 12 chapters. Each chapter includes three sections, each of which contains three postulates. Plans for the transformation of the global human system, called the "earthly civilization" in order to find a compromise and unified development of humanity, apparently exist only in a theoretically abstract form. So that the iron airplane of civilization does not become the last submarine, it is necessary to replace mobilization plans with transformation plans. Then we have a serious chance to create a durable spacecraft above the name "Planet Earth" instead of an "iron civilization airplane" flying in the dangerous mode of a faulty autopilot

Key words: socio-philosophical treatise, civilization, sociotechnological nature system, progress, evolution.

Поступила в редакцию 20 декабря 2018

УДК 801.73: 165.19

А.В. Винобер

Фонд поддержки развития биосферного хозяйства и аграрного сектора
«Сибирский земельный конгресс», Иркутск, Россия

МИФОЛОГИЯ ТЕКСТА. РЕФЛЕКСИВНАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА ОСОЗНАНИЯ (ЭТЮД №2)

Очерк представляет собой второй [1] коллаж из фрагментов произведений разных философов, сопровождаемый ассоциациями и размышлениями автора, задавшегося целью: обнаружить присутствие общих архетипических оснований, незримо творящих мифологию текста.

Ключевые слова: герменевтика, интерпретация, понимание.

Что есть текст?

Из множества бытующих у философов и филологов определений, возьмем в данном случае самое простое «текст – есть связанная и полная последовательность знаков». Не такое уж оно и простое, потому как сразу тянет за собой целую свору вопросов: зачем он вообще создается? Каков его смысл? Связанность и последовательность – это главные признаки текста? Устная последовательность знаков является ли полноценным текстом? Необходима ли авторизация текста или достаточна его безымянность? Обладает ли текст собственной живучестью, если он не вовлечен в культурный и научный контекст? Не подобен ли текст вирусу, который оживает в теле нового организма (как текст может оживать в мыслительном поле отдельно взятого сознания, работающего с отдельно взятым текстом)?..

Тогда, если отвлечься от назойливо возникающих вопросов по поводу полноты определения и объяснения феномена текста, мы попробуем вернуться к мифологии, связанной с текстом. И, возможно, к своему удивлению, обнаружим, что мифология текста – это одна из форм его существования. Неисключено – имеющая глубинную вирусную природу. Именно при помощи этой формы (мифологических слухов, интерпретаций и предположений) текст проникает в наше сознание (или в подсознание, а, может – в бессознательное) и начинает готовить там почву для своего восприятия и дальнейшего освоения.

Мифология текста может иметь невидимую сакральную, символическую оболочку, способствующую возбуждению интереса нашего сознания к определенным мифическим флюидам пока еще не знакомого, неизвестного и совершенно непознанного текста.

В процессе проникновения происходит символическое инфицирование сознания и включение цепной реакции внутренних архетипов нашего сознания, активно создающих мифический образ еще неосвоенного текста.

Как говорил великий демагог конца XX века: «процесс пошел!..».

Создается удивительное состояние захваченности сознания и концентрации внимания на новой (прежде неизвестной) связанной последовательности знаков, именуемой текстом.

Здесь мы прервемся и выскажем первую гипотезу, имеющую причастность к созданию мифологии философских текстов: если смешать неосхоластику М. Хайдеггера с абсурдом А. Камю, и добавить к вышеназванным установкам изрядную порцию герменевтики М. Бахтина – в итоге мы можем получить деконструкцию Ж. Деррида (или Дерриды).

Когда почитатели постмодернизма много и восторженно говорят про своего Дерриду, приходит на память анекдот из 1982 года («застой», брежневский времена). «Вы слышали, что у нас появилась новая партия? Она называется партией пофигистов? Отправляют журналиста взять интервью у председателя партии пофигистов.

Журналист: А правда, что вам всё по фигу?

Председатель: Да – правда – нам всё по фигу! Это наш главный принцип.

Журналист: И работа?

Председатель: Да! Нам по фигу всякая работа.

Журналист: А зарплата?

Председатель: А зарплата нам совсем не по фигу.

Журналист: А как же главный принцип?

Председатель: А вот принципы нам как раз по фигу!».

Как заключает Деррида, «чем не является деконструкция? – да всем! Что такое деконструкция? – да ничто!» [5]

Один из главных переломов, произошедших в истории философии XX века – это вторжение в поле философии целой плеяды философствующих филологов. Конечно, и до Ницше (вторая половина XIX века) в философии иногда были большие любители погружаться в языковые бифуркации (почему-то сразу приходят на ум Плотин и Боэций, не считая чародеев средневековой схоластики – таковы мои субъективные предпочтения). Но в XX веке произошла своеобразная филологическая революция внутри единого философского поля: Витгенштейн, Бахтин, Хайдеггер и целая плеяда эстетствующих французов (не считая занудных аналитических философов).

Читая отечественных философов В. Бибихина и В.В. Ильина, всегда наталкиваешься на мысль, что в современной философии два господствующих направления: одни философствуют, другие – филологствуют. И те, и другие – предпочитают ругать рационализм и интуитивизм. Впрочем, мы уже говорили раньше где-то, что страсть деления на «измы» в философии просто неискоренима. Причислим кого-то или что-то к какому-нибудь «изму» – и будто бы прикоснулись к истине и продвинули вглубь философское познание...

После этого небольшого оживляющего отвлечения, возвращаемся к продолжению нашего сколлажированного текста по поводу рождения всевозможных мифологий присущих любому философскому тексту и даже любому фрагменту философского текста.

Начнем с Бибихина (по поводу Л. Витгенштейна):

6.1. В обязательное чтение о мире должен войти «Логико-философский трактат» Витгенштейна. Парадоксы мира начинаются здесь с первой позиции: «Мир есть всё то, что имеет место». Позиция 5.4711: «Дать сущность предложения значит дать сущность всех описаний, следовательно, дать сущность мира». Позиция 5.61 содержит инверсию первого тезиса: в мире существует то, что в нем существует. Позиция

5.63: «Я есть мой мир». Последняя фраза «Трактата»: «О чем невозможно говорить, о том следует молчать», тоже должна пониматься в свете того, что сказано непосредственно выше: «Мои предложения поясняются тем фактом, что тот, кто меня понял, в конце концов уясняет их бессмысленность, если он поднялся с их помощью – на них – выше их... Он должен преодолеть эти предложения, лишь тогда он правильно увидит мир». Надо только не упускать из виду, что тезисы Витгенштейна есть именно то, что они есть: вопросы. Метод Витгенштейна – научный. Когда мы имеем дело с наукой, надо помнить, что все ее утверждения имеют форму «если – то», поэтому наука не может в принципе сказать, что такое мир, не узнав у нас сначала, что мы понимаем под миром. [2]

6.1.1. Метод Витгенштейна научный? Временами возникает такое подозрение. В отдельных предложениях что-то есть похожее на стиль научного текста. Но чаще появляется желание назвать это произведение «Логико-абсурдный трактат». В нём побольше мистического, чем в произведениях средневековых мистиков. «... Кто меня понял, в конце концов уясняет их бессмысленность», – тогда зачем «городить огород», чтобы впоследствии признавать бессмысленность своих предложений?

От Бибихина и Витгенштейна – неожиданный переход к мастеру философской разговорной импровизации, выдающемуся советско-российско-грузинскому философу Мерабу Мамардашвили:

7.1. Вежливость. Конечно, от страстей не убежишь, они сотрясают нас, тело наше и вместе с ним душу, но жесты хотя бы контролируйте, если вы вежливы и воспитаны. И тем более – слова. Нечего впихивать шум и ярость в текст, уважайте того, кто его будет читать, не надо его ошарашивать. [9]

7.1.1. Шум и ярость в тексте – это революционная поэзия и коммунистическая философия. Вежливые страсти в философском тексте – это стиль для избранных. Вопрос о различии психологизации любого философского текста всегда остается открытым. Мы боимся признавать, что

любой автор – это личность, и редкий автор способен отразиться в тексте обезличенно. Вежливость – скорее аргумент и правило философской дискуссии. Философский текст может быть грубым и страстным, но только во имя поиска истины, а не поиска врагов...

7.2. Давайте расслабимся немного, потому что появилось какое-то напряжение, у меня во всяком случае, а это не по-декартовски. Декарт считал, что излишне напряженная волна усилия в случае стремления к истине затемняет и искажает искомую истину. С чем большей силой мы к ней стремимся, тем дальше от нее удаляемся. Поэтому давайте немного расслабимся и начнем с вещей более легких. [9]

7.2.1. Когда-то мне казалось (иногда, изредка), что я понимаю тексты-рассуждения М. Мамардашвили. Сейчас, знаю, что нет. Лишь отдельные места кажутся просто заманчивыми, но не совсем понятными. Средневековые схоласты «отдыхают», когда рассуждает Мамардашвили. Его «расшифровки» Декарта и Пруста – это нечто, о чем ни Декарт, ни Пруст подумать не могли. Он, якобы за них, передумывает и переоткрывает вероятный строй мысли и при этом изобретает много своего, явно не присущего исходным текстам.

7.2.2. Ну что значит, например: «Человек – это среднее между «ничто» и «бытием»? И дальнейшее извилистое обоснование этого «среднего». Ничто – это ничто. Бытие – это бытие. Человек не может быть средним между двумя крайностями. Он может «быть» или «не быть». Или он «есть», тогда принадлежит бытию, занимая ту часть пространства и времени, тот смысл, который способен объять и отразить. Если он животное, он занимает место животного, его экологическую нишу (динамическую), если же мыслящее существо, значит, «занимает» экологическую нишу мыслящего. Принадлежит не только бытию, но и пространству мысли (может оно и есть, и его нет одновременно?!). Но пока мне не нравится эта примитивная формулировка «среднего» между «ничто» и «бытием».

7.3. По Декарту, нельзя увидеть себя, не проделав феноменологическую редукцию, - ту самую знаменитую редукцию, которая с таким грохотом и усилиями совершалась Гуссерлем и другими мыслителями в XX веке. (Кстати, она же совершалась Витгенштейном, как это, может быть, ни странно и как бы ни были похожи один на другого эти мыслители.) [9]

7.3.1. Труды Декарта, Канта и Гегеля и иже с ними – идеальные субъективные, утопические текстовые конструкции. Степень их соответствия объективной реальности мира, истинность, адекватность и непревосходимость во времена научно-философского осмысления мира – это просто красивая мифология, обусловленная традициями и стереотипами общества и индивидуального познания и философствования.

7.4. Философия не может никому сообщить никакой суммы и системы знаний, потому что она просто не содержит ее, не является ею. [9]

7.4.1. Любая философия есть в определенном смысле (индивидуальном, историческом, да и в философском) – сумма и система знаний. В какой-то степени проявленная, и в какой-то степени – пока еще сокрытая (до времени её многократного прочтения и растолкования). А то, что «не содержит и не является» - скорее всего, вольные отвлеченные рассуждения умудренного жизненным опытом и абстрактным знанием усталого философа.

7.5. Миф, например, есть способ внесения и удержания во времени порядка того, что без мифа было бы хаосом. То есть миф есть способ организации и конструирования человеческих сил или самого человека, а не представление о мире – правильное или неправильное. [10]

7.5.1 Поиски философского камня – это что - мифология, алхимия или попытки постижения смысла бытия? Мы так плохо знаем феномен бытия идеального, феномен мысле-бытия, возникновения мысли, её проявления и отражения в головах современников, её дальнейшей трансформации, перемещение во времени, в социуме, в мироздании. Вневременность идеального устраняет многие вопросы.

7.6. Философский язык всегда условен и построен жестко для того, чтобы вдолбить нам в голову хотя бы одну мысль или один оттенок мысли.
[10]

7.6.1. Одновременно «условен и построен жестко» – чтобы хотя бы одну мысль или один оттенок мысли нам вдолбить: какая-то совершенно грустная и мутная характеристика необъятного философского языка. Скорее, это язык, во всем его многовековом разнообразии избыточно мифологичен и мистичен, но ему часто не хватает жесткости, в силу необъятного обилия мыслей и оттенков.

7.7. Фактически я сейчас коротко, буквально за несколько минут, передал вам содержание тысяч философских трактатов. Это и есть знаменитая проблема интерсубъективности, которой занимаются современные феноменологии. Почему нам важно разобраться в этой проблеме, и зачем вообще нужна такая философия. Затем, что, начав говорить или начав двигаться определенным образом, мы вляпались в ситуацию, и процесс ее прояснения просто неминуем. Причем, сказав «столб», люди умудрились придумать такие слова, которые о реальных столбах ничего не говорят. Скажем в грузинском языке они будут другие, в армянском еще какие-то, непонятные нам, и т.д. С чем же они должны соотноситься? С психологическим составом нашего сознания? Но тогда, чтобы слова имели смысл, должна быть возможность обмениваться не словами, а психологическим содержанием сознания. А можем ли мы этим обмениваться? [10]

7.7.1. «За несколько минут передал вам содержание тысяч философских трактатов» – здесь своеобразная попытка вежливо ошарашить собеседника. Полет импровизации, уходящий далеко за пределы вежливой строгости философского текста. Большой философ – всегда поэт и всегда мастер поэтико-философской импровизации. Порою трудно различить, где кончается философия и начинается поэзия.

7.8. Поэзия – это чувство собственного существования. Уникальные её ноты, некие существования как существования – ни о чем, ни почему, ни чего, не содержание, а существование, как существование. Кто-то даже так и определял поэзию: поэзия – это не поэтичность, поэзия – это чувство собственного существования. Ну вот, это и есть, мне кажется, философия.
[8]

7.8.1. Чувства переливаются в нас, как жидкость, заполняя пустоты души и тела. Разность давлений на стенки органов рождает разную глубину ощущений. Мы стремимся бесконечно дробить эти разности, утверждая процесс познания и стремления к полноте. Но, умножая сущности и порождая их «из ничего», мы не делаем мир понятнее, приятнее или добрее. Мы завоевываем пространство. Внешнее, внутреннее. С разным успехом, блуждая в потемках души и вселенной. Когда никто не понимает, наверное, это и есть истинная поэзия. Непонятное будоражит больше всего.

7.9. В момент смерти вся наша жизнь собрана, но её собранного вида мы не можем видеть и не можем им владеть именно потому, что мы умерли. [8]

7.9.1. Как проходят границы бытия? Ведь «бытие-небытие» совсем не сопровождается дихотомией «жизнь-смерть». Когда мы живем в мире бессознательно, рефлексивно, синкретично – это не бытие?! А когда в коме? А когда потеря памяти? Когда я пребываю в фазе истощения жизненных сил, могу ли я сохранить ту концепцию миростроения и миропонимания, которую сконструировал, будучи в фазе «жизненного порыва» или «избытка жизненной энергии»? Если нет, то тогда концепции и теории, порождаемые отдельным автором должны иметь индивидуальный (неповторимый) путь эволюции и тогда каждая теория имеет свой жизненный (на биологическом субстрате) эволюционный путь. И тогда развитие этой теории другим автором, это уже искажение, инородное влияние, экспансия другой «жизненной силы», ассимилирующей и трансформирующей прежнюю теорию часто до неузнаваемости, и вкладывающей в прежнюю теорию свои,

иные смыслы, основанные на иной «жизненной силе», на ином психоэнергетическом носителе.

7.10. В своей речи на философском конгрессе в Болонье в 1911 году Бергсон отмечал, что в основе всякого философского учения лежит некая исходная интуиция, «нечто простое, бесконечно простое» - что философу не удастся до конца высказать и о чем, собственно, он вынужден говорить всю жизнь, пытаясь к этой интуиции приблизиться. [8]

7.10.1. Вдруг появилось ощущение, что я уже где-то на подступах к новой философской системе (Концепции? Парадигме? В любом случае – частной теории, в смысле субъективной, личностной) ноосферогенеза... Что это? Опять воинствующий дилетантизм или интуиция, проникшая в глубинные пласты мирового разума своим необъяснимым предчувствием???

Когда читаю М.М.Бахтина, всегда вспоминаю дерридианцев и иже с ними (трудно объяснимая ассоциативность):

8.1. Каждая мысль моя с ее содержанием есть мой индивидуально-ответственный поступок, один из поступков, из которых складывается вся моя единственная жизнь как сплошное поступление, ибо вся жизнь в целом может быть рассмотрена как некоторый сложный поступок: я поступаю всей своей жизнью, каждый отдельный акт и переживание есть момент моей жизни-поступления. Эта мысль, как поступок, цельна: и смысловое содержание ее, и факт ее наличности в моем действительном сознании единственного человека, совершенно определенного и в определенное время, и в определенных условиях, т.е. вся конкретная историчность ее свершения, оба эти момента, и смысловой и индивидуально-исторический (фактический), едины и нераздельны в оценке ее как моего ответственного поступка. [1]

8.1.1 Бахтин «К философии поступка» – весьма спорное начало: категорическое разделение субъекта и объекта в процессе познания и деятельности. «Индивидуальный поступок, совершенно не задевающий объективной теоретической значимости суждения» – мне очень трудно это

представить и принять. На мой взгляд, любое оригинальное суждение несет в себе черты субъективности конкретной личности и выражается именно через индивидуальный поступок. И никогда не возможно точно установить, какова степень соотношения объективного и субъективного в теоретическом суждении (?!)

8.2. *Долженствование есть своеобразная категория поступления-поступка (а все, даже мысль и чувство, есть мой поступок), есть некая установка сознания, структура которой и будет нами феноменологически вскрыта. Нет определенных и в себе значимых нравственных норм, но есть нравственный субъект с определенной структурой (конечно, не психологической или физической), на которого и приходится положиться: он будет знать, что и когда окажется нравственно-должным, точнее говоря, вообще должным (ибо нет специально-нравственного долженствования).* [1]

8.2.1. Истинность суждения почти всегда имеет относительную объективную зависимость от места в пространстве и времени, наличия энергетического потенциала суждения для носителей данной культуры, данного личного (индивидуального) и общественного (коллективного, массового) сознания. «Момент долженствования не выводим из теоретического суждения». Активность бытия не зависит от интеллектуальной доминанты сознания?.. Пока, я не понимаю Бахтина и его «долженствование» и его абстрактного «поступка». «...Так называемые этические нормы – суть, главным образом, социальные положения (нет специального этического долженствования в смысле совокупности определенных содержательных норм)». Т.е. полная социальная обусловленность этики, права, мировоззрения от субъективно установленных социальных положений? Здесь есть значительный исторический привкус... Но, определенно будоражит. Мысль оживает и хочется прыгать. В одном месте у него все зависит от социальных субъективных (они не могут быть

иными?!) установлений, а в другом – объективное суждение не зависит от субъекта, осуществляющего деятельность.

8.3. Никакая практическая ориентация моей жизни в теоретическом мире невозможна, в нем нельзя жить, ответственно поступать, в нем я не нужен, в нем меня принципиально нет. Теоретический мир получен в принципиальном отвлечении от факта моего единственного бытия и нравственного смысла этого факта, «как если бы меня не было», и это понятие бытия, для которого безразличен центральный для меня факт моей единственной действительной приобщенности к бытию (и я семь) и принципиально не может ничего прибавить и убавить в нем, в своем смысле и значении оставаясь равным себе и тождественным, есть я или меня нет, не может определить мою жизнь как ответственное поступление, не может дать никаких критериев для жизни практики, жизни поступка, не в нем я живу, если бы оно было единственным, меня бы не было. [1]

8.3.1. Бахтин нередко поражает глубиной своего абстрагирования, от человека и от текста. Как это у него получается? Шедевр схоластики 20 века! Гегель и французы «отдыхают», и Хайдеггер «отдыхает» вместе с ними! Предтеча: автор умер и субъект умер... Вопрос – кто создает текст, ради чего и ради кого? Нравственный смысл отвлеченного теоретического текста практически неуловим.

8.4. Вся современная философия вышла из рационализма и насквозь пропитана предрассудком рационализма, даже там, где старается сознательно освободиться от него, что только логическое ясно и рационально, между тем как оно стихийно и темно вне ответственного сознания, как и всякое в себе бытие. [1]

8.4.1. Всегда удивляет момент, когда всю (не много ни мало) современную философию сводят в одно предложение. Звучит примерно так: «подвергнем рационализм тотальному остракизму» во имя ясного ответственного сознания. Причем тут «всякое в себе бытие»?

Между Бахтиным и французами эпохи постмодерна неожиданно возникает Борис Гройс:

9.1. Философии сравнимы, скорее, с произведениями искусства – ведь каждое произведение искусства, по общему мнению, содержит внутри себя закон своего собственного понимания. Каждый философ, как и каждый художник, считает своим долгом создать новый критерий истины и придать самому слову «истина» новый смысл. [6]

9.1.1. Каждый философский текст – вполне похож на произведение искусства («искусства философской абстракции или герменевтики»). Но далеко не каждый философ претендует на создание новых критериев истины, как и новых её смыслов и содержаний. Вероятно, не более 10% крайне амбициозных философов испытывают претензии на построение истин и философских систем, превосходящих всё, что создано до них (Гегель, Ницше, Хайдеггер, Гройс...)

9.2. Так, Гегель и Хайдеггер попытались рассмотреть взаимное отношение конкретных философий. Но каждый из них исходил из превосходства собственного философского мышления, интерпретируя все прочие философские предприятия либо как закономерно приводящие к этому мышлению (Гегель), либо закономерно уводящие от него (Хайдеггер). [6]

9.2.1. Гегель, отрицая чувственное, интуитивное, метафорическое в «Феноменологии Духа», часто сам пребывает в чувственном, метафорическом выражении своего трансцендентно-абстрактно-системного объяснения мира и мыследвижения... Его дух не имеет (да и не может иметь) строгих и ясных очертаний, как и нравственность, которая является жизнью духа. Отрицая одни метафоры, мы часто (почти всегда) взамен водружаем в контекстах познания новые метафоры, рожденные нашим глубинным (увы и ах, далеко не бесчувственным) воображением.

И снова изумительный Людвиг Витгенштейн:

10.1. 2.01231 *Для такого ознакомления с объектом не обязательно знать его внешние свойства, но необходимо знать все его внутренние свойства.* [4]

10.1.1. Но главный парадокс в том, что большинство внутренних и внешних свойств объекта от нас сокрыто. Мы можем их только воображать или осознанно конструировать.

10.2. 4.003 *Большинство предложений и вопросов, трактуемых как философские, не ложны, а бессмысленны. Вот почему на вопросы такого рода вообще невозможно давать ответы, можно лишь устанавливать их бессмысленность.* [4]

10.2.1. Возникает вопрос – кто автор критериев осмысленности и бессмысленности философских вопросов, и как он их смог обзреть во всей их необъятности и непрочтенности. Дух Ницше изрядно проникает в философию Витгенштейна...

10.3. 4.01 *Предложение – модель действительности как мы её себе представляем.* [4]

10.3.1. Какое предложение и какая действительность? Сможем ли мы представить себе аналогичную действительность? Удивительная сила абстракции! Вопрос: бывает ли модель бессмысленной и в чем смысл такой модели?

10.4. 6.371 *В основе всего современного мировоззрения лежит иллюзия, будто бы так называемые законы природы суть объяснения природных явлений.* [4]

10.4.1. Вопрос о силе иллюзии и степени её проникновения в наше мировоззрение, в нашу философию, поэзию... Возможно, весь мир пронизан иллюзией и никто не догадывается, что иллюзия это и есть вся совокупная наша реальность.

10.5. 6.41 *Смысл мира должен находиться вне мира. В мире все есть, как оно есть, и все происходит, как оно происходит; в нем нет ценности – а если бы она и была, то не имела бы ценности. Если есть некая ценность,*

действительно обладающая ценностью, она должна находиться вне всего происходящего и так-бытия. Ибо все происходящее и так-бытие случайны.
[4]

10.5.1. Когда погружаешься в глубины абстракции и интуитивного постижения, «конструкции реальности» самосознания начинают дрожать и терять опоры, потому что теряют смысл все постулаты идеологии и теологии, научного и обыденного миропонимания. Здравый смысл кажется анахронизмом вымерших времен. Поэтому, у всех теорий и учений, у всех здравых смыслов и даже мистических психотехник, существуют свои «запреты» и «табу» на переход границ, зафиксированные и санкционированные создателями и авторитетами. Этот модифицированный предохранитель «чистоты оконтуренного сознания» во всех случаях направлен на фиксацию отдельного сознания индивидуума в границах условного, биосоциального пространства. Такое своеобразное достижение земной человеческой цивилизации...

10.6. Ведь если книга написана для немногих, это и обнаружится в том, что лишь немногие её поймут. Книга должна автоматически разделить тех, кому она понятна, и тех, кому непонятна. И предисловие написано для тех, кому книга понятна. Нет смысла говорить человеку то, что ему непонятно, если к тому же он еще и не в состоянии этого понять. (Как это часто бывает с теми, кого мы любим). [4]

10.6.1. «Не пытайся понять того, что тебе не понято? – Не понял? – И не пытайся!». Пишите книги для избранных – любимые всё равно не поймут... Только ненависть и безразличие способны привести к пониманию избранных философских текстов.

10.7. 248 *Философ – тот, кто сначала должен вылечить многие недуги собственного рассудка, прежде чем придет к понятию здравого человеческого разума.* [4]

10.7.1. «Недуги собственного рассудка» - тема отдельного исследования для каждого философа. Витгенштейн в данном случае – не исключение.

Но, давайте послушаем что скажет уважаемый Иммануил Кант:

11.1. Разум человеческий так склонен к созиданию, что много раз уже он возводил башню, а потом опять сносил её, чтобы посмотреть, крепко ли лежит фундамент. Никогда не поздно взяться за ум; но если разумное понимание приходит поздно, то труднее бывает дать ему ход. [7]

11.1.1. Ожидание разумного понимания – вечная надежда философов-новаторов. Разум их современников, людей их окружающих, часто не дотягивает до требуемой разумности. А поздние разумения крайне не плодотворны, и ничего, кроме огорчения, не могут принести тому, кого они посетили в поздний час...

11.2. Когда понимание и знание приходят к концу - тогда, и не раньше - сослаться на обыденный человеческий смысл – это одно из тех остроумных изобретений новейших времен, благодаря которым пустейший болтун может безопасно начинать и выдерживать спор против человека с самым основательным умом. ... Эта апелляция к здравому смыслу есть не что иное, как ссылка на суждение толпы, от одобрений которой философ краснеет, а популярный болтун торжествует и делается дерзким. [7]

11.2.1. Неотразимый аргумент – здравый смысл – суждение толпы. Философы должны быть выше здравого смысла. Здравомыслие – это признак полной деградации философа!

11.3. Развитое во всем этом отделе главное положение, что всеобщие законы природы могут познаваться a priori, уже само собою приводит к положению, что высшее законодательство природы должно находиться в нас самих, т.е. в нашем рассудке, и что мы не должны искать этих всеобщих законов в природе посредством опыта, а наоборот – должны природу в её всеобщей закономерности выводить только из условий возможности опыта, лежащих в нашей чувственности и рассудке. [7]

11.3.1. Высшее законодательство природы в нас самих, т.е. в нашем рассудке, в нашей чувственности. Вот она – главная истина мифологии любого философского текста.

11.4. Между природой разума и рассудком должно быть согласие, - разум должен способствовать полноте рассудка и никак не может запутывать его.
[7]

11.4.1. Вычлените разум в чистом виде и не позволяйте ему, чтобы он запутывал ваш рассудок. Ищите гармонию между разумом и рассудком и вы обретете согласие. Не это ли главный смысл познания и бытия?

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Человек в мире слова. – М.: Изд-во Российского открытого ун-та, 1995. – 140 с.
 2. Биbihин В.В. Мир. – Томск: Водолей, 1995. – 144 с.
 3. Винобер А.В. Мифология текста. Рефлексивная герменевтика осознания (этюд №1) / А.В. Винобер // Вестник Института развития ноосферы. 2018. - 1. - С. 51-76
 4. Витгенштейн Л. Философские работы. Часть 1. Пер с нем. – М.: Изд-во Гнозис, 1994. – 612 с.
 5. Грицанов А.А., Гурко Е.Н. Жак Деррида. – Мн.: Книжный дом, 2008. – 256 с.
 6. Гройс Б.Е. Философия и время / Б.Е.Гройс // Логос. Ленинградские международные чтения по философии культуры. Кн. 1. Разум. Духовность. Традиции. – 1991. - С. 5-32
 7. Кант И. Пролегомены / Пер. с нем. – М.: Академический Проект, 2008. – 174 с.
 8. Конгениальность мысли. О философе Мерабе Мамардашвили. – М.: АО Издательская группа «Прогресс» - «Культура», 1994. – 240 с.
 9. Мамардашвили М. Картезианские размышления. – М.: Прогресс, 1993. – 352 с.
 10. Мамардашвили М. Необходимость себя. / Лекции. Статьи. Философские заметки / Под общ. ред. Ю.П.Сенокосова. – М.: Издательство Лабиринт, 1996. – 432 с.
-

A.V. Vinober

«Siberia Land Congress» Biosphere and Agriculture Economies Support and Development Fund, Irkutsk, Russia

MYTHOLOGY OF TEXT. REFLEXIVE HERMENEUTICS OF AWARENESS (ETUDE №2)

The essay is second collage of fragments of works by different philosophers, accompanied by associations and reflections of the author, who set out to discover the presence of common archetypal foundations, invisibly creating the mythology of the text.

Key words: hermeneutics, interpretation, understanding.

Поступила в редакцию 20 декабря 2018

Вестник Института развития ноосферы – электронный ежемесячный журнал, конгломерат, включающий публикацию отдельных и периодических статей, публикацию рукописей монографий и трактатов, реферативных обзоров, отдельных заметок, идей и предложений научно-практического характера.

Рубрики

1. Теория и практика развития ноосферы
2. Философия и методология антропологии
3. Социальная философия
4. Биосферное хозяйство и проблемы природопользования
5. Социально-экологический анализ и прогнозирование
6. Палеопсихология и психоистория
7. Социальная психология
8. Исторические и футурологические исследования
9. История наук

Периодичность выхода: ежемесячно

Прием статей – до 15 числа каждого месяца.

Выпуск – последний день месяца.

Страница журнала <http://biosphere-sib.ru/scientific-practical-journals/Bulletin-of-Institute-of-development-noosphere.php>

Фонд поддержки развития биосферного хозяйства и аграрного сектора «Сибирский земельный конгресс» - некоммерческая неправительственная организация, созданная в 2008 г.

Контакты:

e-mail: congress@biosphere-sib.ru

тел. 8914-912-47-11 сайт:

www.biosphere-sib.ru

Соц. сети: https://vk.com/virtual_school_of_rural_tourism